

Школа в Ласковой Долине

Фрэнсин Паскаль
Одинокая в толпе

1985

Паскаль Ф.

Одинокaя в толпе / Ф. Паскаль — 1985 — (Школа в Ласковой Долине)

Сестры Элизабет и Джессика ссорятся и мирятся, влюбляются в одноклассников и мучаются от неразделенной любви, участвуют в веселых мероприятиях и попадают в опасные ситуации. Скромная и некрасивая Линн Генри мечтает стать певицей. Но шансы девушки равны нулю, ведь для всех она – лишь скромная тихоня.

Содержание

1	5
2	10
3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Фрэнсин Паскаль

Одинокaя в толпе

1

– Послушайте, ребята, – сказала Джессика Уэйкфилд, отодвигая стул и вскакивая из-за стола с горящими от возбуждения голубовато-зелеными глазами. – Я наконец-то придумала идеальный способ, как собрать деньги для нашей команды болельщиц. Он настолько идеален, что я войду в историю.

– Довольно лишь болтать о том, чтобы войти в историю, – тяжело вздохнул Уинстон Эгберг.

Этот высокий долговязый парень был всем известен как клоун школы Ласковой Долины, и у него всегда была заготовлена шутка.

– Мне сразу после обеда надо идти сдавать историю мистеру Феллоузу, – продолжал он, делая вид, что рвет на себе свои темные волосы. – Так что, если ты, Джес, собираешься войти в историю, делай это побыстрее. Мне срочно нужно набраться знаний по истории.

Все сидящие за столом охнули.

– А что ты придумала, Джес? – спросила, улыбаясь сестре, сидящая на другом конце стола Элизабет.

Для нее видеть сестру-близнеца, светящуюся от вдохновения, было все равно что смотреть на загорающуюся лампочку. Хотя годы общения с Джессикой научили Элизабет тому, что сестра часто теряла голову и что ее увлеченность и горячий пыл доводили ее до неприятностей, она все равно заражалась возбуждением Джессики.

«Смешно», – подумала она, наблюдая, как загорается лицо Джессики, готовящейся рассказать о своей идее сидящим за столом одноклассникам.

По внешнему виду обе сестры были зеркальным отражением друг друга. Однако, если судить по характерам, то трудно было поверить, что они родственницы.

Обе шестнадцатилетние двойняшки были стройны, как манекенщицы, с блестящими светлыми волосами, выбеленными калифорнийским солнцем, и с широко расставленными зеленовато-голубыми, цвета воды в Тихом океане, глазами. Но глаза Элизабет напоминали Тихий океан в спокойный и безоблачный день. А у Джессики они часто вспыхивали и штормили. И, хотя Элизабет была лишь на четыре минуты старше сестры, ей иногда казалось, что у них разница в четыре года.

«Джессика такая импульсивная, такая непрактичная», – думала Элизабет. Она в мгновение ока влюблялась и разлюбивала, приводя в смятение толпу поклонников, а ее интерес к различным хобби бывал в равной мере страстным и недолговечным. Она целиком отдавалась очередному увлечению, например кулинарии, а через несколько недель полностью о нем забывала. Элизабет же, напротив, точно знала, чему она хочет посвящать свое свободное время: писательству. Именно поэтому она часами после уроков трудилась над школьной газетой «Оракул», в которой вела колонку «Глаза и уши», знакомящую одноклассников с последними сплетнями школы Ласковой Долины.

– Нам нужно что-то действительно новое, – говорила в это время Джессика, стряхивая с плеч свои шелковистые волосы. – Именно об этом мы говорили на последнем собрании. Правда, никто ничего интересного не предложил.

– Правильно, – вторила ей Кара Уокер, вдумчиво глядя своими карими глазами.

Симпатичная темноволосая Кара тоже была членом команды болельщиц.

– Нам действительно нужны деньги, – добавила она. – Необходима новая форма. Нынешняя превратилась почти в лохмотья.

– Не могу не согласиться, – поддержала Лила Фаулер, сделав гримасу и поправив свои светло-каштановые волосы.

– Может, создадим Фонд Фаулера по обновлению формы? – лукаво выдал Уинстон.

Лила свирепо посмотрела на него. Она терпеть не могла, когда намекали на то, что ее отец был одним из богатейших людей в Южной Калифорнии.

– Это серьезно, Уинстон, – холодно сказала она. – Не надо грубостей. Кроме того, – добавила она, надув губы, – я уверена, что папа скажет, что девочки из команды болельщиц должны сами зарабатывать деньги. Он говорит, что это способствует становлению характера.

Элизабет еле-еле сумела подавить смешок, особенно когда увидела выражение лица Инид Роллинз, – что-то между гримасой и ухмылкой: Инид была самой близкой и доверенной подругой Элизабет, и обе они знали, что Лила никогда в жизни не работала.

– Так что ты придумала, Джес? – вступила в разговор Кара. – Надеюсь, это что-то дельное. Во всяком случае, подача у тебя высокая.

– Ну, посмотрите, что вы об этом думаете? – драматично начала Джессика, отступив от стола и раскинув руки, как будто выступала в спектакле. – Эстафета на креслах-качалках в спортзале. Все девушки из команды будут по очереди качаться в креслах, и мы будем заранее регистрировать пожертвования за каждые полчаса качания в креслах. Это будет сенсация, самое необычное мероприятие по сбору пожертвований за все годы!

Кара нахмурилась:

– Кресла-качалки? Джес, ты, по-моему, рехнулась! Это так... – она на какой-то момент задумалась, – странно!

– Не порти нам впечатление, – с упреком сказала Джессика. – Это будет великолепно! Мы можем взять старые кресла-качалки у родителей и будем по очереди качаться, а остальные... – она на несколько секунд задумалась, – будут веселиться на празднике, который мы в это время организуем! – триумфально завершила она.

– Какой еще праздник? – Инид была заинтригована.

– Мы назовем это эстафетой «Качаемся без перерыва»! – воскликнула Джессика с веселым огоньком в глазах. – Может быть, мы уговорим «Друидов» играть у нас. Это будет как школьные танцы, только в миллион раз лучше.

Уинстон сделал вид, что без сил валится на стол.

– Помилуй, Джес, мы только-только закончили с твоим фантастическим пикником. Нам нужен отдых!

Джессика рассмеялась. Уинстон упомянул пикник, который она организовала в рамках празднования столетнего юбилея Ласковой Долины. Празднование имело большой успех, и Джессика гордилась тем, как хорошо прошел ее пикник.

– Я думаю, что эстафета – прекрасная идея, – поддержала сестру Элизабет. – Она несомненно оригинальна. Кроме того, бьюсь об заклад, что «Друиды» будут счастливы найти предлог выступить в ближайшее время на большом сборище. Вы слышали, они собираются объявить конкурс, чтобы найти для себя новый шлягер?

Инид удивленно подняла брови. «Друиды» были одной из самых популярных местных рок-групп и, хотя участники ее учились только в девятом классе, довольно известной.

– Я слышала, как об этом говорил Гай Чесни, – сказала Джессика, плюхаясь обратно на стул и откусывая яблоко. – Он сказал, что хочет найти какую-то новую песню, которая стала бы их автографом. Он сказал, что великая песня может создать рок-группу.

– Это точно, – согласилась Инид. – Хорошая песня – это все, что нужно.

– Ну, и когда будет эта великая эстафета «Качаемся без перерыва»? – поинтересовался Уинстон, перестав смотреть в свою тетрадь.

Джессика фыркнула.

– Похоже, никому из вас это не интересно, – горько сказала она. – Если даже мои собственные друзья, мои товарищи по команде не со мной... – добавила она, покосившись на Кару.

– Джес, это великолепная идея, – тепло сказала Элизабет. – Будь уверена, мы все внесем пожертвования, правда, ребята?

– Конечно! – поддержали все. Джессика успокоилась.

– Думаю, надо постараться провести это поскорее. Деньги нужны прямо сейчас, и, если все в нашей команде будут участвовать, мы вполне могли бы организовать это через неделю. Что вы думаете насчет следующей субботы?

Элизабет рассмеялась. Ей всегда было интересно наблюдать организационную тактику сестры в действии.

– Зачем спрашивать нас? – заметила она. – Лучше спроси у «Друидов», смогут ли они выступить, и узнай у администрации насчет спортзала.

– Спасибо за подсказку! – воскликнула Джессика, снова вскакивая из-за стола. – Хорошо иметь гениальную сестру-двойняшку!

В следующую секунду она умчалась, рванув с такой скоростью, что чуть не врезалась в идущую ей навстречу с опущенной головой девушку.

– Осторожно! – крикнула Джессика, раздраженно мотнув головой, и удалилась в направлении учительской.

– Лиз, как ее зовут? – негромко спросила Инид, наклонившись вперед, чтобы лучше рассмотреть девушку, которая подняла голову, огляделась вокруг с выражением смятения на лице, затем вновь опустила голову и медленно пошла к столику.

– Ее зовут Шерри, не правда ли? – спросил Уинстон.

Элизабет нахмурила брови:

– Нет, не Шерри. Ее имя Линн Генри. Она тихоня такая.

В последнее время Элизабет не раз замечала эту высокую замкнутую девятиклассницу и задавалась вопросом о том, что она из себя представляет.

– Линн Генри! – воскликнула Инид, щелкнув пальцами. – Я ее все время встречаю, но не могу вспомнить имени. У нас с ней два общих урока, но она никогда слова не вымолвит. Она как привидение. Как-то «заплывает» в класс за минуту до начала урока, сидит тихонько на своем месте и уходит со звонком. Она ни с кем никогда не говорит.

– Думаю, у нее совсем нет друзей, – печально промолвила Элизабет.

– Она не выглядит особо располагающей, – пренебрежительно сказала Ли́ла. – Не могу себе представить, кто захочет дружить с такой.

– Ли́ла, – пристыдил ее Уинстон, – неужели в тебе нет ни грамма доброты?

Ли́ла скорчила гримасу:

– Да ты посмотри на нее. Она ведь просто сидит, уставившись в свой сандвич, как будто она из другого мира.

Элизабет посмотрела туда, куда глядела Ли́ла. И правда, Линн Генри сидела, опершись локтями о стол, без всякого выражения на лице.

Элизабет почувствовала, как по ее телу пробежала легкая дрожь.

– Она, должно быть, одинока, – мягко сказала она, наблюдая, как девушка откусила кусок сандвича и начала автоматически его жевать, как бы не замечая вкуса.

Элизабет не могла представить себе, как это можно обедать одной, сидя в наполненном болтающими и смеющимися школьниками кафетерии.

Однако выражение лица девушки было совсем неприветливым, просто каменным. Элизабет стало интересно, о чем это она может думать. Со вздохом Элизабет повернулась обратно к друзьям, продолжая думать об этой девушке, но лишь вполуха слышала, что рассказывал Уинстон про свой экзамен по истории. Думала она о Линн Генри.

«Главное, – размышляла Линн, – это вести себя так, как будто мне все безразлично. Если я смогу это, то все будет хорошо».

Она терпеть не могла обеденные перерывы. В остальном день был ничего – ничего выдающегося, но и ничего ужасного. Она приучила себя к школьному ритму, и ей удавалось прожить весь день в школе, как будто во сне. А иногда это так ей и казалось.

Но обеденный перерыв был ужасен. Ей было неудобно одной становиться в очередь в кафетерии. Все вокруг поджидали друзей, шутили, болтали. Но никто ничего не говорил Линн. Как будто она была невидимой.

Линн открыла коричневый бумажный пакет, который приготовила для нее мать, и автоматически развернула сандвич. Она откусила кусочек, при этом напомнив себе, что, чем скорее она доест сандвич, тем быстрее сможет вернуться в библиотеку. Если бы библиотекарь позволил ей, она там бы и обедала. Но приносить еду в библиотеку было запрещено.

«Обеденный перерыв предназначен для отдыха, – с улыбкой сказал ей однажды библиотекарь. – Пойди лучше пообщайся с друзьями!»

«А что я должна была на это ответить? – грустно подумала Линн, нахмурившись и положив сандвич на тарелку. – Что у меня нет друзей? Что я – никто?»

До того как Линн начала учиться в старших классах, она в действительности так не считала. Она уговаривала себя, что, как только она станет чуть постарше, окружающие перестанут обращать столько внимания на то, кто как выглядит, кто принадлежит к «надлежащей» компании и тому подобное.

Но теперь, когда Линн перешла в девятый класс, у нее уже не было никаких иллюзий. Никто не хотел с ней дружить. Никто даже не замечал ее существования! Она просто как будто растворилась на заднем плане.

Снова взявшись за свой сандвич, Линн вспомнила, как неделю назад на уроке английского языка мистер Коллинз прочитал вслух стихотворение. Ей нравился английский язык, и ей нравился мистер Коллинз. Он был похож на кинозвезду. Он был рыжеватым блондином с теплой улыбкой и очень молод. Его все любили. Но что еще важнее, он несколько раз похвалил Линн, написав хорошие слова в конце ее сочинений. Однажды он написал, что у нее, похоже, врожденная склонность к писательству. После этого она несколько дней как будто светилась. Если бы он знал, как много это для нее значило!

Но у нее все равно появился горький привкус во рту, когда она вспомнила голос мистера Коллинза, зачитывавшего вслух стихотворение Эмили Дикинсон:

Я никто! А кто есть ты? Может быть, и ты никто?

Она сразу выпрямилась на стуле, вырванная из дневной дремы, с учащенно забившимся сердцем.

«Я никто! А кто есть ты?»

Как будто мистер Коллинз нашел ее дневник и зачитал его вслух. Эти строки могла написать она. Как будто это говорил ее внутренний голос.

Мистер Коллинз продолжал читать, глубоким голосом вдыхая жизнь в стихи. Затем он положил книгу на стол и спросил учеников, что они об этом думают. По очереди стали подниматься руки, высказываться мнения. А Линн просто сидела и молилась о том, чтобы побыстрее прозвенел звонок. Она никогда так ужасно себя не чувствовала.

«Я никто, – все время думала она. – Какие гнетущие слова. Как Эмили Дикинсон могла написать такое?»

Больше ничего из того, что говорил мистер Коллинз, Линн не слышала. Она вновь погрузилась в дрему, представляя, что находится дома, в своей спальне, и играет на гитаре за закрытой дверью. Она практически чувствовала струны пальцами. Линн обожала гитару. Когда она играла, она не ощущала себя «ником».

Но еще предстояло дожить до конца обеденного перерыва и до конца длинного, медленно тянувшегося дня, чтобы потом сесть в автобус и отправиться домой. Линн вновь положила сэндвич на тарелку, глаза ее наполнились слезами.

– Линн! – окликнул мужской голос, прервав ее грезы.

Глаза Линн расширились от неверия, сердце ее, застучало. Обернувшись, она увидела красавчика Кита Уэбстера, нападающего баскетбольной команды, отчаянно машущего рукой из противоположной стороны зала. Ей? У нее пересохло во рту, и она начала вставать со стула.

– Иду, дурачок! – отозвался из-за спины высокий голос, и старшекласница Линн Джекобс с блестящими черными волосами и цветущим лицом перебежала столовую и взяла Кита за руки.

Линн опустила обратно на стул с побелевшим лицом. Почему она позволила себе обмануться? Ведь она не Линн. Она никто.

2

Толпа, ожидавшая автобус, казалась еще более оживленной, чем обычно, во всяком случае, так показалось Линн, которая одиноко стояла в сторонке с рюкзаком на плече, опустив голову к тротуару.

– Потанцуй со мной, Кэролайн! – промурлыкал Уинстон Эгберг, галантно выступая вперед и приветствуя Кэролайн Пирс шутливым кивком головы.

Рыжеволосая девушка захихикала.

– Перестань, Уинстон, – произнесла она сладко, явно довольная вниманием.

– Я серьезно, – запротестовал Уинстон. – Давай станцуем танец «Я жду автобус». Это один из моих любимых.

Продолжая хихикать, Кэролайн взяла Уинстона за руку, и они предприняли легкую попытку повторить движения, которые изучали в танцевальном зале в прошлом году. Оба рассмеялись.

Толпа начала аплодировать.

– Это Уинстон, – сказала одна из старшеклассниц, беря своего ухажера за руку.

– Мадам, ваша золотая колесница подана, – сказал, обращаясь к Кэролайн, Уинстон, снова кивая головой и указывая в сторону желтого школьного автобуса.

Сердце Линн забилося. Глупо, конечно, раздувать такую банальную вещь, как поездка домой на автобусе. Но она ненавидела эти поездки. Казалось, что у всех, кроме нее, было с кем сидеть. Это напоминало игру, в которую они играли в детстве. Когда музыка прекращалась, все сразу садились на места. Все, кроме проигравшего. Лишний выбывал.

А в данном случае лишняя Линн вдруг решила, что впредь она будет ходить в школу пешком. Она больше не могла выносить этого.

Вскоре автобус заполнился смеющимися и весело болтающими школьниками. Линн со вздохом уселась у окна, положив рюкзак на колени.

«Осталось еще только десять минут, – сказала она себе. – Потом я буду дома, и еще один длинный день будет прожит».

Линн едва обратила внимание на Кэролайн, которая села рядом с ней, еле удерживая в руках учебники и тетради. Линн смотрела в окно, сморщив от напряжения лоб. Иногда даже в шумном, заполненном автобусе Линн могла так сконцентрироваться, что слышала музыку, звучащую в ее голове. Не ту музыку, которую она знала, а начало чего-то, новую песню. Это было ее секретом и помогало переносить одиночество.

«Если бы люди узнали об этом, они надсмеялись бы надо мной, – смущенно думала она. – Но никто ничего не узнает!»

С тех пор когда она была маленькой девочкой, Линн мечтала только об одном: стать знаменитой сочинительницей песен. Раньше она вечно умоляла маму разрешить ей заниматься музыкой. Она всегда что-то себе напевала, сочиняя маленькие песенки в ванне или на прогулке. Она любила петь. А ее учитель пения сказал, что у нее есть талант! В детстве Линн хотела быть и автором песен, и исполнителем. Она мечтала о том, как поднимется на огромную сцену и будет петь песню за песней, завораживая аудиторию.

Но, повзрослев, Линн поняла, что никогда не поднимется ни на какую сцену. И никто не будет аплодировать ее выступлению. Одно дело фантазировать, будучи ребенком, гадким утенком.

«Но этот утенок так никогда и не превратился в лебедя, – мрачно напомнила она себе. – А превратился в гадкую утку. А кто захочет заплатить деньги за то, чтобы увидеть на сцене гадкую утку?»

Линн знала, что не обманывает себя, а просто мыслит объективно. Каждый раз, когда она смотрелась в зеркало, ей хотелось плакать. Все в ней было таким некрасивым – некрасивые светло-каштановые, в завитушках волосы. Непонятный цвет лица. Нос чуть длинноватый. Подбородок чуть излишне выдающийся. Когда все другие девочки оформились в седьмом и восьмом классах, приобретя выпуклости в нужных местах, Линн только еще больше вытянулась и похудела. Она возвышалась над всеми девушками в классе, из-за чего ощущала себя каким-то уродом. Понятно, отчего она сутулилась. Мать вечно учила ее держаться прямо, как будто это нормально для человека ростом под метр восемьдесят без каблучков.

В момент, когда автобус выезжал со стоянки, Линн тяжело вздохнула. Она подумала, что матери легко говорить. Она тоже была высокой, но при этом потрясающе красивой – стройная, грациозная, с шелковистыми черными волосами, всегда подстриженными по самой последней моде. Это было слишком гнетущим, чтобы об этом даже говорить. Что еще хуже, мать сделала себе карьеру на красоте. Она заведовала эlegantным клубом здоровья в соседнем городке – салоном под названием «Серебряная дверь». День за днем Джейд Генри проводила в сфере красоты – кремы, лосьоны, физкультурные тренажеры, сауны, преобразование внешнего вида.

Линн знала, что мать разочарована ею. Разве можно ее за это винить? У Джейд Генри было все: ум, очарование, красота, миллион друзей. Разве могла она не хотеть, чтобы дочь немножко больше на нее походила?

Линн унаследовала от матери-красавицы только одну черту: зеленые, с золотыми бликами глаза в форме миндаля. К сожалению, Линн была близорука, так что ее прекрасные глаза были практически не видны из-за толстых очков. «Поставь контактные линзы», – постоянно призывала мать, и в конце концов Линн сдалась.

Но она была слишком стеснительной, чтобы носить линзы. Она была уверена, что, если она наденет их в школу, все будут смеяться над ней. Будут думать, что она обманывает себя, пытается выглядеть красивой или что-то в этом роде. Поэтому никто не замечал прекрасных глаз Линн.

Все друзья миссис Генри говорили одно и то же – что Линн в точности походила на отца.

«А это, – мрачно думала Линн, продолжая смотреть в окно, – было поцелуем смерти».

Макс Генри был многим хорош – умный, предприимчивый, честолюбивый, – но что касается внешнего вида, он был «так себе». Так сказала мать.

Линн практически не помнила отца. Он умер, когда ей было три года. Иногда, если она закрывала глаза и очень, очень сильно напрягалась, ей удавалось вспомнить, как она повисала на нем, обхватив за шею маленькими ручками, а он в это время пел для нее. Но она не могла по-настоящему вспомнить его лица. Хотя, конечно, она видела фотографии. Отрицать было бесполезно: она похожа на отца. Непослушные волосы, крупный подбородок, бледный цвет лица – все на месте!

Линн, однако, знала, что получила от отца и еще кое-что. Хотя мать много о нем не рассказывала, Линн как-то подслушала, как она говорила кому-то из друзей, что до свадьбы отец мечтал стать музыкантом. Вынужденный содержать семью и ребенка, он бросил музыку и устроился на работу в страховой компании.

«Но он продолжал играть на своем саксофоне, – услышала Линн слова матери. – Он любил музыку».

Может быть, поэтому Линн стеснялась перед матерью за свою любовь к музыке. Конечно, она всегда просилась ею заниматься. Но чем старше она становилась, тем труднее ей было играть для матери. Как будто, как только кто-то появлялся, чудо исчезало. Линн даже не сказала матери о том, что получила работу преподавателя игры на гитаре в Музыкальном центре по утрам в субботу. Это было ее секретом, им и останется!

Неожиданно Линн поняла, что автобус подходит к ее остановке. Она пожурела себя за то, что так отвлеклась, и неловко поднялась на ноги за минуту до того, как водитель открыл дверь.

– Извините, – сказала она Кэролайн, неуклюже протискиваясь мимо нее.

Автобусная остановка находилась в пяти минутах ходьбы от дома Линн, и, поправив рюкзак, она с чувством облегчения отправилась в путь. Испытание закончилось: она была почти дома. Она только начала напевать несколько аккордов песни, которую в это время сочиняла, как вдруг увидела нечто такое, от чего у нее перехватило дыхание. Это был он: Гай Чесни, который играл на клавишных в «Друидах». Линн покраснела до корней волос.

Две недели назад Линн смотрела выступление Гая и всей группы «Друиды» на школьном пикнике, посвященном столетнему юбилею Ласковой Долины. Что-то сделало ее необъяснимо счастливой в этот день. Возможно, это была прекрасная солнечная погода или же радостное настроение, которое овладело людьми, празднующими столетнюю годовщину основания города. Как бы то ни было, Линн впервые стала ощущать свою принадлежность к чему-либо. Но затем «Друиды» запели песню о любви. В этот момент Линн оглянулась вокруг себя на улыбающиеся лица, и волна одиночества окутала ее. Как ни старалась Линн оттолкнуть от себя это отчаяние, она не могла его одолеть. Она чувствовала себя не частью празднеств, а сторонним наблюдателем, не принимающим в них участия. Слезы закапали у нее из глаз, и она отвернулась от сцены – прочь от этого пикника, прочь от этих счастливых людей, делавших ее такой одинокой.

– Привет, – сказал поравнявшийся с ней Гай, глядя на нее с немного лукавым выражением на лице.

Линн не могла поверить, каким симпатичным он оказался вблизи. Ее сердце бешено забилось. Линн знала, что Гай несколько месяцев назад переехал с ними по соседству, и порой она замечала из окна автобуса, как он шел в школу или обратно.

Судя по тому, как далеко он успел дойти сегодня, он ушел из школы раньше обычного.

– Тебя зовут Линн, не правда ли? – спросил он с улыбкой. – Я встречал тебя в школе, но, кажется, мы не знакомы.

– Ах да, меня зовут Линн Генри, – ответила она в полном замешательстве.

Он виновато улыбнулся:

– Последнее время я мало с кем общаюсь. Наша группа «Друиды» да родители – практически это все.

– Должно быть, это прекрасно – играть в такой группе, как «Друиды»! – воскликнула Линн.

На лице Гая появилось удивление.

– Не многие так думают. Во всяком случае, не многие из девушек. Большинство из тех, кого я знаю, считают, что музыка – это нормально, пока она остается фоном. Но играть в группе...

– Я думаю, что это потрясающе, – страстно сказала Линн. – А какую музыку ты слушаешь, когда не репетируешь?

Она не могла поверить, насколько легко с ним было говорить. Он был таким непринужденным, таким раскованным. Он перечислил свои любимые группы, – многие из которых она тоже любила, – и совсем незаметно они оказались перед ее домом.

– А что ты думаешь о женщинах-вокалистках? – робко спросила Линн, не желая обрывать беседу.

Гай задумчиво посмотрел на нее:

– Знаешь, мне нравится кое-что из «мягких» вещей. Все годы, пока я рос, моей любимицей была Линда Ронстадт.

– Я тоже считаю, что она великолепна, – с энтузиазмом поддержала Линн.

– Правда? – просиял Гай.

В следующее мгновение он начал перечислять все, что ему нравилось в этой певице: глубина и диапазон ее голоса, слова ее песен.

Завороженная, Линн только слушала. Она подумала, что Гаю, похоже, действительно интересно говорить о музыке. Она практически не произнесла ни слова, однако, когда через несколько минут он сказал, что ему было интересно с ней разговаривать, он говорил вполне искренне.

Глядя ему вслед, Линн надеялась повстречать его снова – и скоро.

Напевая про себя, она открыла ключом дверь и вошла в дом. Аккуратная передняя была заставлена амариллисами – любимыми цветами матери. Линн даже не заметила их, бросив куртку на перила лестницы и прошагав на кухню, чтобы приготовить себе что-нибудь перекусить. Она любила это время. Матери не будет еще часа полтора, и весь дом принадлежал Линн. Он был таким мирным. Весь день она мечтала об этих моментах. Наконец-то она дома.

Но сегодня Линн, в отличие от обычного, не обрадовалась тишине и покою, которых так ждала. Взяв сэндвич и поднявшись к себе наверх, она задумалась над тем, что же сегодня произошло необычного. Их маленький дом выглядел так же, как всегда, с красивой гладкой мебелью, пушистыми восточными коврами, с подобранными со вкусом картинами и скульптурами, создающими приглушенный элегантный эффект.

Линн закрыла за собой дверь и откусила кусочек сэндвича. Она окинула взглядом комнату. Все вещи были на тех же местах, где она оставила их утром. Кровать с балдахином аккуратно заправлена, шторы на открытом окне слегка покачиваются от ветра. Поставив тарелку на письменный стол, Линн присела на край кровати, взяла гитару и обняла ее. Затем попробовала взять аккорд.

Но песня, которую она сочиняла, не приходила. Линн посидела минуту в тишине, стараясь сосредоточиться.

Она уже знала, что произошло. В доме ничего не изменилось, это она сама ощущала себя по-новому. Она все время думала о Гае Чесни и о том, как уголки его глаз поднимались кверху, когда он улыбался. Линн попробовала взять другой аккорд, ожидая, что музыка вернет ее обратно в знакомый мир одиночества. Однако каждый аккорд, каждый такт, каждая нота напоминали о нем.

– Гай, – произнесла она вслух, и щеки ее покраснели в тот момент, когда она впервые назвала его имя.

3

– Линн! – позвала миссис Генри голосом, полным раздражения. – Я тебя уже десять минут зову. Ты представляешь, который сейчас час?

Линн села на кровати, протерла глаза и, моргая, посмотрела на будильник.

«Наверное, я выключила его и снова заснула», – пробормотала она, ощупью ища очки.

– Почти восемь часов! – добавила мать.

Она открыла дверь в спальню дочери и, нахмурившись, посмотрела на Линн.

– Не понимаю, как может здоровый подросток так долго спать.

Линн вздохнула:

– Мам, я легла только после полуночи. Я работала над... – Она прикусила губу.

Не хотелось рассказывать матери, чем она занималась. На самом деле прошедшей ночью она сочиняла и, начав, уже не могла остановиться. Но мать все равно бы не поняла. Сама она всегда все делала вовремя. Глядя на нее в этот момент, Линн вообще удивлялась, как они могли оказаться родственниками. Мать выглядела просто потрясающе в снежно белых джинсах и черной шелковой футболке. Линн не могла себе представить, чтобы сама она надела что-то белое. Она испачкала бы такую вещь в первую же минуту!

– Почему ты не одеваешься? – спросила мать, раздвигая шторы, чтобы впустить в комнату поток лучей утреннего солнца. – Я уже приготовила завтрак.

– Сейчас, – ответила Линн, выскакивая из кровати и натягивая на себя байковый халат, спасенный ею из коробки, приготовленной матерью для «Армии Спасения». – Сейчас спускаюсь.

Линн знала по опыту что, когда мать хмурилась, это означало, что идет борьба за верховенство в семье. «Она, наверное, хотела этим сказать, чтобы я уделила побольше внимания своей внешности», – подумала Линн, подняв с пола брошенные накануне закатанные джинсы и направляясь в расположенную рядом со спальней ванную.

Линн давно отказалась от надежд изменить внешность. Все, на что она была готова пойти, сводилось к короткому душу и попытке применить расческу к волосам. Она натянула джинсы, рассеянно отметив про себя, что они действительно немного мешковаты, и достала из стенного шкафа первый попавшийся джемпер. Он был темно-зеленым, с надписью впереди «Университет штата Огайо». Линн любила джемпера. Она знала, что под такой одеждой никто не разглядит ее фигуру, но это и было хорошо. Кому же, в самом деле, захочется смотреть на такое длинное, как веретено, тело, как у нее?

Линн взглянула в большое, в полный рост, зеркало, которое мать установила в шкафу.

«Что за жалкое зрелище, – произнесла она про себя, надвинув очки повыше на нос и покачав головой из стороны в сторону. – Действительно жалкое. Линн Генри, ты слишком уродлива, чтобы называться человеком!»

– Линн, – позвала мать. – Мне скоро уходить на работу и нужно с тобой поговорить!

«Так», – подумала Линн, беря в руки блокнот и перечитывая слова, к которым она в итоге пришла вчера вечером перед тем, как уснуть. Песня называлась «С думой о нем». Не спеша спускаясь по лестнице, она пропела пару пробных аккордов:

Я никогда не думала, что это я. Скажу, что день быть может больше просто дня...

– Линн! – недовольным голосом позвала мать.

– Иду! – отозвалась Линн, перескакивая через последние ступеньки. – Прошу прощения, – поспешила добавить она, усаживаясь за стол. – Я собиралась быстро, как могла.

Миссис Генри посмотрела на дочь полными тревоги глазами.

– Дорогая, – начала она, заметно стараясь сказать все правильно, – я хотела бы, чтобы в эту субботу ты вместе со мной пошла ко мне на работу и там Рода занялась бы твоими воло-

сами. Я знаю, что ты не любишь, когда над тобой возятся, но, милая, они у тебя действительно...

Линн почувствовала, как вытянулся ее подбородок, – так бывало всякий раз, когда мать заводила подобные разговоры.

– А мне нравятся мои волосы, – резко произнесла она. – И я не желаю, чтобы Рода заворачивала меня в балахон, как она это делает со всеми.

Лицо матери слегка помрачнело.

– Линн, ты должна понимать, что своим внешним видом рассказываешь о себе окружающим. Ты сообщаешь им, что тебе на себя наплевать. Если бы ты уделяла себе хотя бы немного времени...

Линн почувствовала, как глаза ее наполняются слезами.

– Мама, я знаю, что я не красавица, – резко сказала она, с отвращением отодвинув тарелку с кашей. – И тебе совсем не обязательно постоянно твердить об этом. Я не дура. Я отлично тебя понимаю!

Миссис Генри задумалась на минуту, затем мягко произнесла:

– Дело не только в твоих волосах или одежде. Дорогая, я волнуюсь за тебя. И оценки твои могли бы быть получше. Если бы я тебя не разбудила, ты бы проспала и пропустила занятия...

– У меня все равно первым уроком самоподготовка, – прервала ее Линн. Однако она почувствовала угрызение совести. Мать была права. Оценки действительно были неважными. В основном «тройки» и «четверки», хотя она знала, что при желании могла бы успевать гораздо лучше. Но Линн не желала выделяться. Зачем стараться, если гораздо легче быть середнячком?

– Мне не нравится, что ты не спишь ночами, сочиняя эти свои песни, – продолжала мать, не глядя на Линн. – Это мешает твоему сну, из-за них ты опаздываешь в школу...

Глаза Линн вспыхнули.

– Эти мои песни, – сердито сказала она, – ничему не мешают.

Миссис Генри прикусила губу. Ее красивое лицо было полно любви и тревоги.

– Линн, – мягко сказала она, – не отгораживайся от меня. Не сердись на меня. Ты возводишь стену между нами, и я не могу до тебя дотянуться!

Линн опять почувствовала, как вытягивается подбородок. Она ничего не могла с этим поделать – мать иногда так выводила ее из себя!

– Боюсь, я не смогу отвезти тебя в школу, – добавила мать, с озабоченностью взглянув на часы. – Я уже на пять минут опоздала. Что же ты будешь делать? Автобус уже ушел.

– Пойду пешком, – ответила Линн, запихивая блокнот в рюкзак.

«Я ведь и собиралась ходить пешком», – напомнила она себе.

Оказавшись на улице, Линн вдохнула полной грудью и начала успокаиваться. Было прекрасное утро. Напевая негромко строки новой песни, она зашагала по улице, и рюкзак ее болтался на спине при ходьбе.

Сначала Линн подумала, что у нее видение. Но потом поняла, что это и вправду был он. Опять! Сердце ее заколотилось.

– Линн! – позвал Гай, переходя на ее сторону улицы. – Я не знал, что ты ходишь в школу пешком!

– Я проспала, – призналась она, застенчиво улыбаясь.

Вся ее злость и раздраженность испарились, и теперь ей хотелось делать только приятное.

– А ты? Ты что, никогда не едешь на автобусе?

– Я люблю ходить пешком, – ответил он улыбаясь. – Свежий воздух взбадривает – а мне это нужно, потому что «Друиды» два-три раза в неделю допоздна репетируют. Мне по утрам нужно много времени, чтобы собраться. Я человек ночи, – доверительно сказал он, глядя ей прямо в глаза. – Ты понимаешь, что это означает? Мне кажется, что у меня все лучше получается поздно ночью, когда все спят.

– Я прекрасно тебя понимаю, – промурлыкала Линн, подумав о своей песне.

– Большинство людей считают меня сумасшедшим, – сказал он, и, похоже, ему действительно было важно услышать ее реакцию. – Мать, к примеру, все бы отдала, чтобы я бросил музыку. Она хочет, чтобы я стал врачом, как мой старший брат.

– Не слушай ее! – тепло сказала Линн.

Тут она покраснела, испугавшись, что слова ее прозвучали слишком страстно, однако Гаю они явно понравились.

– Правда, не надо? А как мне узнать, что я хороший музыкант? – с тревогой произнес он. – Вот что не дает мне покоя. Если я от столь многого откажусь, а в итоге из меня ничего не выйдет...

В эту минуту Линн вспомнила о том, что пережил ее отец. Если бы она знала Гая получше и могла рассказать ему об этом! Ей хотелось сказать ему, что мечтой нельзя жертвовать ни ради чего. Но вместо этого она лишь уверенно произнесла:

– Гай, ты не должен бросать музыку. К тому же ты хороший музыкант. Действительно, хороший.

Лицо его просветлело.

– Ты, правда, так считаешь?

– Честно, – ответила она.

Линн говорила от чистого сердца. Линн казалось, что следующие шесть или семь кварталов она парила в воздухе. Не верилось, что ей так легко с Гаем. Он был таким откровенным, с такой готовностью говорил о себе и своих чувствах. Казалось, что они знакомы уже несколько месяцев или даже лет! Самым лучшим было то, что он не пытался узнать о ней и не задавал вопросов. Зачастую из-за этого у Линн появлялись проблемы с друзьями. Она терпеть не могла оказываться в центре внимания. Но Гай ни о чем ее не спрашивал, хотя внимательно выслушивал все, что она говорила. Более того, она ему, похоже, нравилась.

– Ты прекрасный слушатель, – с чувством сказал он. – Знаешь, я никогда не встречал девушек, с которыми я мог бы вот так разговаривать.

– Я люблю слушать про музыку, – ответила она, потупив взор. – Я тоже никогда не встречала никого, у кого могла бы спросить о том, что это значит – играть в настоящей рок-группе! – Глаза ее блестели за стеклами очков. – Я тебе так завидую, – застенчиво добавила она.

По виду Гая казалось, что он собирается что-то ответить, однако неожиданный автомобильный гудок заставил их посмотреть в другую сторону. Они увидели Джессику Уэйкфилд, которая неистово махала им рукой из-за руля маленького красного «фиата», который был у них на двоих с сестрой. Элизабет с утра отправилась к врачу, поэтому Джессика была одна.

– Гай! – звонко окликнула она, отбросив назад светлые волосы, так что они замерцали в лучах солнца. – Сегодня у меня день удачи! Я уже несколько дней тебя разыскиваю!

– Правда? – удивился Гай.

Линн казалось, что ноги ее приклеились к тротуару. Джессика выглядела невыразимо великолепной в своем сверкающем автомобиле. Она походила на киноактрису – загорелая кожа, идеальные волосы, блестящие зеленовато-голубые глаза. Линн была готова все отдать, чтобы в этот момент быть Джессикой Уэйкфилд. «И дело не только в ее красоте, – подумала Линн. – Джессика настолько уверена в себе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.